

Зиновьев Григорий Евсеевич

Сочинения

Том 16

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Евсеевич З.**
Сочинения: Том 16 / Зиновьев Григорий Евсеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
277 с.

ISBN 978-5-519-86224-0

ISBN 978-5-519-86224-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС (¹).

25 лет назад — 2 марта 1883 г. — скончался один из великих творцов научного социализма, Карл Маркс. «Человечество сделалось ниже на целую голову, при чем на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало в последнее время», — писал в этот день великий соратник и друг Маркса, Фридрих Энгельс, их общему приятелю Зорге.

5 августа 1895 года почил и Фридрих Энгельс — второй творец научного социализма и великий вождь международного пролетариата...

Наш сборник, посвященный выяснению того, что сделал Карл Маркс для рабочего движения всех стран — и в том числе, конечно, и России, — был бы не полон, если бы в нем не было уделено должного места сподвижнику Маркса — Ф. Энгельсу. Эти две испанские исторические фигуры так тесно переплели друг с другом свою научную, публицистическую, политическую и организаторскую деятельность, что ни об одном шаге, ни о строчке одного из них нельзя говорить, не говоря вместе с тем и о другом. Жизненный путь, пройденный этим ослепительно ярким созвездием, одинаков. Вторая звезда закатилась на двенадцать лет позже. Общий путь, длившийся целых четыре десятилетия, богатых величайшими политическими событиями и потрясениями, характеризуется полным научным и политическим единодушием великих друзей. Ни на одном повороте истории, ни на одном из изгибов международного рабочего движения, которому Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь, пути их не разошлись. Часто трудно сказать, где кончается Маркс и где начинается Энгельс, и — наоборот. Возьмете ли вы «Коммунистический Манифест», шестидесятилетие которого мы праздновали в нынешнем году (²), возьмете ли вы второй и третий томы «Капитала», обратитесь ли вы к практической деятельности этих учителей

рабочего класса в Союзе Коммунистов, в великом Интернационале, — вы не сможете разделить того, что сделано Марксом, от того, что сделано Энгельсом. Быть может, лишь будущие историки на основании тщательного анализа их сочинений и другими способами смогут установить хоть с приблизительной точностью, что именно в общих литературных трудах принадлежит каждому из них.

«Маркс был более гениальным мыслителем, нежели Энгельс», — пишет К. Каутский в своей последней работе *). — «Маркс был более глубоким, Энгельс — более смелым мыслителем. У Маркса более развита сила абстракции, способность находить общее в беспорядочной массе отдельных явлений; у Энгельса — способность комбинировать, умение по отдельным признакам явления воссоздавать его общую картину. Маркс обладал более сильным критическим дарованием, в нем сильна была самокритика, которая сдерживала смелость его мысли и побуждала его развивать ее осторожно, постоянно пробуя под собой почву. Наоборот, Энгельс, в гордом восторге при виде развертывающихся перед его умственным взором могучих перспектив, окрылялся вдохновением и легко преодолевал величайшие трудности».

Сам Энгельс всегда ставил себя гораздо ниже Маркса. В предисловии к 2-му изданию Анти-Дюринга он писал: «она (теория научного социализма) обоснована в неизмеримо-большей степени (*zum weitaus grösseren Theil*) Марксом и лишь в незначительной степени (*zum geringsten Theil*) — мною». То же самое Энгельс повторял по целому ряду других поводов.

«Я, — пишет он одному из друзей после смерти Маркса, — всю свою жизнь играл вторую скрипку и льщу себя надеждой, что в этой роли я достиг известной виртуозности. При этом я всегда был несказанно счастлив, что имею такую прекрасную первую скрипку, как Маркс». «Теперь, — прибавлял он полусерьезно, — когда мне приходится играть первую скрипку и являться представителем нашей теории, — нужно быть на-чеку, чтобы чего доброго не оскандалиться». Когда, после отмены закона о социалистах, Энгельсу, который приехал в Берлин, были оказаны немецкими рабочими шумные и трогательные овации, — Энгельс не только на официальном празднестве, но и в частной переписке заявлял, что он только пожинает плоды, посеянные

*) «Die historische Leistung von Karl Marx».

Марксом. То же он говорил и по поводу приема, оказанного ему в Вене и на международном социалистическом конгрессе. «Как жаль, что до этих дней не дожил главный творец научного социализма, — незабвенный Маркс!» — восклицал он тогда.

Так ли, однако, в действительности мала роль Фридриха Энгельса в деле создания теории научного социализма, носящей собственное имя только Маркса? Мы увидим ниже, что сам Энгельс оценивал свою роль слишком низко. Итак, что же дал Энгельс марксизму?

Фридрих Энгельс так же, как и Маркс, был выходцем из буржуазной среды. На путь революционной борьбы и социалистических исканий его толкнули идеологические мотивы. Он родился 28 ноября 1820 года в Бармене (Рейнская провинция) в семье богатого фабриканта. Уже подростком он отказался от карьеры чиновника, к которой его готовили родные. Окончив барменское реальное училище, Энгельс поступил в альберфельдскую гимназию. За год до окончания ее он решил сделаться купцом. Первые шаги на этом поприще он сделал в одном барменском, а затем в одном бременском торговом доме. С октября 1841 до октября 1842 года Энгельс прослужил вольноопределяющимся при берлинской гвардейской артиллерии и получил там первые сведения о военных науках, которыми он продолжал затем интересоваться в течение всей своей дальнейшей жизни.

Коммерческая деятельность не мешала, однако, Энгельсу продолжать свои философские занятия, которые он начал в довольно раннем возрасте. «Энгельс был, подобно Марксу, прирожденным диалектиком, укрепившим свои дарования в классической философии. Он не обладал строго-философским образованием Маркса, но своим светлым и ясным умом он твердо схватил то, что было бессмертным в творениях Гегеля. С раннего возраста он стоял в водовороте практической жизни, и это преимущество с избытком уравнивало пробелы его систематического образования» *).

«Сущность христианства» Фейербаха произвела на Энгельса огромное впечатление. С молодыми философами Бауэрами⁽³⁾ он находился в близких личных отношениях. С Марксом он впервые познакомился в редакции «Rheinische Zeitung», куда Энгельс изредка присылал корреспонденции. Знакомство состоя-

*) Ф. Меринг: «История германской социал-демократии».

лось в 1842 году, когда Энгельс проезжал через Кёльн в Манчестер, и ограничилось сухой, официальной и даже весьма холодной встречей. Холодность первой встречи, по мнению Ф. Меринга, объясняется тем, что Маркс как раз тогда выступил против берлинских «свободных», товарищем которых в то время слыл Энгельс, и тем, что Энгельс в свою очередь был восстановлен против Маркса Бауэрами.

В главном промышленном центре Англии — в Манчестере — Энгельс прожил тогда около двух лет, до сентября 1844 года. Эти два года дали очень много его умственному кругозору. Здесь в это время капитализм был развит сильнее, чем в остальных странах Европы, и в соответствии с этим здесь резче, чем где бы то ни было, выделялись классовые противоречия между капиталом и пролетариатом, здесь ярче, чем где бы то ни было, начинала закипать классовая борьба. Механизм капиталистического строя и его имманентное⁽⁴⁾ развитие начали интересовать молодого Энгельса, когда он жил на своей родине в Рейнской провинции, которая отличалась наивысшей степенью развития промышленности во всей Германии. Наблюдения над английской промышленностью давали гораздо более богатую пищу для ума. Здесь масштаб был гораздо больше. Картина безумного богатства и величайших накоплений с одной стороны и страшнейшей бедности, сопряженной с мучительными лишениями и страданиями с другой стороны, развертывалась перед гениальным наблюдателем во всю ширь. Сочувствие рабочему классу скоро выливается в актуальные формы. Будучи прирожденным борцом, Энгельс не мог долго оставаться только сочувствующим наблюдателем и уже скоро мы видим его участником тогдашнего практического рабочего движения Англии — чартизма — и сотрудником органа Роберта Оуэна⁽⁵⁾ — «New Moral World».

Занявшись этой работой, Энгельс однако очень скоро окончательно утвердился в том мнении, что социализм в духе Роберта Оуэна есть учение утопическое, а рабочее движение в духе чартизма не является действительно социалистической формой рабочего движения.

«Познакомившись еще в Германии с гегелевской философией, он сумел с ее помощью углубить экономические знания, которые он приобрел в Англии, и поэтому прежде всего обратился к изучению экономической истории», — пишет об этих годах Энгельса К. Каутский. Со всей энергией Энгельс налег на

политическую экономию и в частности на английских экономистов, изучение которых все больше и больше его поглощало. Все теоретические выводы, к которым он приходил, он сверял с практикой английской промышленности, и, наоборот, — все богатые наблюдения, которые ему удалось сделать в области практики, он старался объяснить себе теоретически. Английская промышленность дала Энгельсу решительный толчок в направлении формулирования материалистического понимания истории. Английский капитализм показал Энгельсу, что экономические факторы являются основными, решающими силами при капиталистическом строе, что они обуславливают собою классовое строение общества, политическую борьбу в нем и всю духовную его жизнь, — одним словом, они являются той «базой», на которой возвышается идеологическая «надстройка».

Так заложен был Энгельсом главный камень в фундаменте его диалектически-материалистического мирозерцания. В эти же годы сформировалось в основных своих чертах и мировоззрение К. Маркса. С другого конца, с изучения «идеологических» наук — философии, истории, этики, юриспруденции, — с изучения факторов, обусловивших ход и исход Великой Французской революции, — Маркс пришел к тем же главным выводам: экономический фактор является основным решающим, сознание определяется бытием, история человечества есть история борьбы классов. Великие идеологи рабочего класса встретились, как выражается Каутский, «в области революции и социализма» и подали друг другу руки.

В 1844 году осенью Маркс с Энгельсом вновь встретились в Париже, и для них выяснилось полное единомыслие по основным теоретическим вопросам. Союз был заключен, и через короткое время водружено было великое знамя научного социализма, которое так героически держит теперь в руках огромное большинство передовой части пролетариата всего мира.

Первой общей литературной работой основоположников научного социализма был философский памфлет «Die Heilige Familie», направленный против немецкого идеализма в лице его оставшихся сторонников — Бруно Бауэра и берлинских «свободных». Этой первой работе предшествовали, однако, некоторые статьи Фридриха Энгельса, помещенные в «Deutsch-französische Jahrbücher» (немецко-французский ежегодник) и сделавшие очень много для сближения Маркса с Энгельсом, а также впервые внесшие вообще много ценного в будущую сокровищницу научного

социализма. На них — то мы и остановим сейчас внимание читателя.

Первое место из работ Ф. Энгельса за этот период занимает статья «*Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie*» (Критические очерки политической экономии). Здесь Энгельс впервые сводит воедино свои размышления, являющиеся плодом его внимательного наблюдения над развитой формой капиталистической промышленности. В этой глубокой статье, названной Марксом «гениальным эскизом», мы находим уже те главные мысли, которые легли в основу задуманной тогда Энгельсом книги «Положение рабочего класса в Англии», а также очень многое из того, что затем украсило лучшие страницы Коммунистического Манифеста. Статья эта является первым крупным литературным выступлением Энгельса, но в ней действительно видны уже все следы гениальности. Меринг не колеблясь заявляет, что эта и некоторые другие первые работы Энгельса были значительно лучше первых работ Маркса. В своем гениальном эскизе Энгельс первый подошел вплотную к экономическим основаниям научного социализма, он первый сделал попытку подвести экономический фундамент под ту теорию, путь к которой Маркс нащупывал в это же время, разбираясь в огромном комплексе общественных потрясений, называемых французской революцией.

Энгельс начинает свой эскиз с едкого замечания о том, что до сих пор политическая экономия являлась в сущности только наукой о способах обогащения. Он протестует против немецкого названия *Nationalökonomie* — национальная экономия, — ибо наука эта, говорит он, трактует не об обогащении государства, нации, — как это утверждают буржуазные экономисты, — а об обогащении только отдельных слоев, меньшинства нации. «Ведь вот, — говорит он в другом месте — национальное богатство англичан очень велико, а между тем английский народ — самый бедный народ во всем мире». Нынешнюю экономическую науку по всей справедливости, думает Энгельс, следовало бы назвать не *Nationalökonomie*, а *Priwatökonomie*, т.-е. наукой частной собственности, обогащения немногих.

Далее Энгельс дает краткий очерк меркантилизма⁽⁶⁾ и смены его учением о свободе торговли. XVIII столетие, век революции, революционизировало также экономическую науку, — говорит он. Но все революции этого века были односторонни и не разрешили основного противоречия как в области философии, права, поли-

тики, так и в области экономики. «Материализм, сменивший спиритуализм, не уничтожил коренным образом христианского унижения и презрения к личности человека; политика и не подумала коснуться основных предпосылок государства вообще; *экономики и в голову не пришло спросить себя об оправдании частной собственности*».

Меркантилизм сменился фритрэдерством⁽⁷⁾. Было ли это шагом вперед, спрашивает себя Энгельс. И отвечает: да, конечно шагом вперед и шагом необходимым. Было необходимо, говорит он, чтобы меркантильная система с ее монополиями и затруднением сношений пала, *дабы истинные последствия частной собственности выступили ясно, резко и определенно для всех*. Необходимо было, чтобы все эти мелочные местные и национальные соображения отступили на задний план, дабы борьба нашей эпохи приняла целостный, общий, общечеловеческий характер. Логическим, последовательным выводом из свободы торговли является уничтожение частной собственности. Относительно самих буржуазных экономистов Энгельс замечает: «чем ближе они становятся к действительности, тем дальше они от честности». Тут объективный исход один: «как теология должна либо вернуться к слепой вере, либо развиться до свободной философии, так свобода торговли должна привести либо к реставрации монополий, либо к уничтожению частной собственности».

Меркантильная система — замечает Энгельс дальше — отличалась еще известным прямотошеством, непосредственностью, католической прямоотой. Она не старалась скрыть притивонравственной сущности торговли и говорила прямо, что основной задачей является достижение «благоприятного баланса», чего бы это ни стоило. Другое дело — теория свободы торговли. Многие изменилось с тех пор, как на сцену выступил Лютер экономической науки, Адам Смит⁽⁸⁾. Его век стал эпохой гуманистического лоска: разум и нравственность стали предъявлять известные права; вырванные простой, грубой силой торговые договоры, вечные торговые войны и резкая изолированность народов друг от друга — стали бить в глаза «просвещенным» слоям. Место католической прямооты заняло протестантское лицемерие. «Нации» стали обходиться друг с другом мягко, «дружественно», ибо наиболее «дружественные» отношения оказались просто наиболее выгодными: с покупателями, с поставщиками в «просвещенный» век нужно обращаться вежливо. Лицемерные

представители Фритрэдерства очень кичатся своей цивилизаторской ролью. Мы, дескать, уничтожили варварство монополий, мы понесли цивилизацию в самые отдаленные углы земного шара, мы осуществили братство народов, мы уменьшили количество войн, и т. д., и т. д. «Да — отвечает им Энгельс — все это вы сделали, но как это вы сделали?! Вы уничтожили маленькие монополии, чтобы предоставить тем большую безграничную власть одной громадной монополии — собственности; вы цивилизовали окраины для того, чтобы получить новую площадь, где бы еще шире могла развернуться ваша низкая жажда наживы; вы побратали народы, но на деле это — братство воров; вы уменьшили число войн, чтобы побольше заработать во время мира, чтобы заменить его войной всех против всех, чтобы довести до крайних пределов бесчестную войну конкуренции! *).

Покончив с оценкой Фритрэдерства, Энгельс переходит к вопросу о теории ценности. Он останавливается на споре Мак Куллоха⁽⁹⁾ и Рикардо⁽¹⁰⁾ с одной стороны и Ж. Б. Сея⁽¹¹⁾ — с другой стороны. Первые утверждали, что абстрактная стоимость каждого предмета определяется только издержками производства. Сей утверждал, что стоимость определяется только степенью полезности, степенью необходимости данного предмета в данный момент. Энгельс настаивает на необходимости прежде всего резко разграничить понятие об абстрактной стоимости с одной стороны, и стоимости реальной, т.-е. цены — с другой стороны. Сея он разбивает одним указанием на то, что согласно его положению оказалось бы необходимым создать две теории ценности: одну — для предметов первой необходимости, обладающих большой полезностью, и другую — для предметов роскоши, — что явно несообразно. Мак Куллоху и Рикардо он указывает, что они опускают очень важную предпосылку: необходимость того, чтобы данный предмет имел общественную полезность, чтобы издержки производства, затраченные на него, были сделаны производительно, без чего в капиталистическом обществе вообще невозможно говорить о ценности.

Свой собственный взгляд Энгельс формулирует так: «Der Werth ist das Verhältniss der Produktionskosten zur Brauchbarkeit»**) — стоимость предмета есть соотношение между издержками про-

*) Nachlass, т. I., нем. изд., стр. 438.

**) Ibid., стр. 441.

изводства и степени необходимости, полезности его. В дальнейшем изложении Энгельс, указывая на роль конкуренции в обмене, на то, что обменивающиеся стороны при господствующей системе частной собственности, конечно, совершают обмен не свободно, — очень близко подходит к будущему основному положению марксистской теории ценности: стоимость каждого продукта определяется количеством труда, общественно необходимого для производства данного предмета при данном уровне техники, средней производительности и т. д. Разбирая теорию упомянутых экономистов, разлагавших издержки производства на три категории: земельную ренту, прибыль на капитал и рабочую плату, — Энгельс указывает на то, что капитал и сам является накопленным трудом. «Мы имеем, — говорит он, — только два элемента производства — природу и человека».

Анализируя первый из этих элементов, Энгельс делает несомненный шаг по пути к формулированию той теории ренты, которая заняла впоследствии столь видное место в учении Маркса. Он дает тут следующее определение: «Der Grundzins ist das Verhältniss zwischen der Ertragungsfähigkeit des Bodens, der natürlichen Seite (die wiederum aus der natürlichen Anlage und der menschlichen Bebauung, der zur Verbesserung angewandten Arbeit besteht) — und der menschlichen Seite, der Konkurrenz *)» («Земельная рента определяется соотношением между фактором природы, степенью плодородности земли (которая в свою очередь обуславливается природными качествами ее с одной стороны и человеческими усилиями — обработкой ее, потраченным на удобрение ее трудом — с другой), и фактором человеческим — конкуренцией»).

В последующем изложении Энгельс набрасывает также — правда, слабыми штрихами — процесс циркуляции капитала, нашедший себе потом место у Маркса. «Мы видели, — пишет он, — что капитал и труд являются первоначально идентичными; дальше мы видим, как капитал, результат труда, в процессе производства становится вновь субстратом, материалом для труда, как временное отделение капитала от труда тотчас опять сменяется единством обоих **). «Только с уничтожением частной собственности, — заключает Энгельс, — падает это противоестественное отделение, труд становится своим собственным вознаграждением, и еще

*) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 444.

**) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 445.

с большей ясностью обнаруживается истинное значение прежней заработной платы, еще яснее становится, что издержки производства определяются количеством труда».

В следующей главе Энгельс намечает теорию кризисов. Он указывает, что кризисы обуславливаются отсутствием какого-либо регулятора между спросом и предложением и вообще всем тем, что Маркс впоследствии назвал «анархией в производстве». Кризисы, — пишет он, — посещают наше общество с такою же регулярностью, как кометы, приблизительно через каждые 5–7 лет. Указав на те ужасы, которые кризисы приносят с собой, Энгельс кончает следующей страстной филиппикой: «Производите сознательно, как люди, а не как раздробленные атомы, и лишь тогда вы можете разрешить эти искусственные противоречия. До тех пор пока производство будет основано, как теперь, на господстве бессознательной, бессмысленной игры случайности, — до тех пор кризисы будут существовать и будут с каждым разом становиться все сильнее, все универсальнее. Производите сознательно, т.-е. организуйте производство на социалистических началах» *).

В связи с кризисами Энгельс мельком упоминает также о концентрации капитала в руках все меньшего числа лиц, о вытеснении мелких капиталистов, росте пролетариата, каковые факторы должны в конце концов повести к социальной революции. Здесь Энгельс опять предвосхищает одно из в высшей степени важных положений «Коммунистического Манифеста» и «Капитала». Об этом Энгельс еще яснее говорит в конце своей статьи; здесь он прямо заявляет: «крупный капитал и крупное землевладение вытесняют мелкий капитал и мелкое землевладение, происходит централизация владений... Эта централизация владений является одним из имманентных законов частной собственности; средние классы должны все больше исчезать до тех пор, пока мир не разделится на миллионеров и пауперов, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков» **).

В своей статье Энгельс посвящает несколько страниц Мальтусу ⁽¹²⁾. Возразив на мальтузианство по существу, Энгельс клеймит его, как оголенную защиту буржуазного рабства, как самую бесстыдную, низменную доктрину, оскорбляющую элементарное человеческое достоинство.

*) Ibidem, стр. 450.

**) Ibidem, стр. 458.